

Особенности перевода устного текста в области нейроправа и его трансформации в письменный текст

Аннотация. В связи с практическим распространением нейротехнологий во всех сферах нашей жизни юристы делают попытки дать правовое определение такой философской категории, которая выражает высший тип мыслительной деятельности, — разуму и разработать правовые нормы и стандарты в этой области. Область права, которая исследует влияние открытий в области нейротехнологий на регулирование общественных отношений, получила название нейроправо. Эта отрасль права является междисциплинарной и работает на стыке с таким спектром отраслей науки, как нейропсихология, нейроинформатика, нейрогенетика, нейробиология, нейросоциология и многие другие нейронауки, часто используя их категориальный инструментарий. В связи с этим используемый пласт юридической терминологии постоянно пополняется, тем самым представляя большой интерес для переводчиков в разработке концептуального поля нейроправа в современной лингвистике. Осуществление перевода узкоспециализированных текстов в данной области — сложная задача, поскольку адекватность перевода напрямую зависит от знания области применения нейротехнологий в реальном секторе экономики. Данная статья посвящена рассмотрению сложностей при переводе текста в области технологий совершенствования человеческого тела и правовых вопросов, связанных с их применением, а также переводу некоторых терминов, несущих основную смысловую нагрузку текста.

Ключевые слова: нейроправо, нейротехнологии, перевод, термины, лексическо-грамматические трансформации, юридический текст, правовые концепты.

**Виктория
Владимировна
ПИКАЛОВА,**

доцент кафедры
юридического перевода
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат филологических
наук, доцент
**pikalova-viktoriya@
yandex.ru**
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.111.11.077-084

Victoria V. PIKALOVA,

Associate Professor of the Legal Translation Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Philology)

pikalova-viktoriya@yandex.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Peculiarities of Translating an Oral Text in the Field of Neuro-Legal and its Transformation into Written Text

Abstract. *Due to the practical usage of neuro-technologies in all areas of our life, lawyers make attempts to provide a legal definition of such a philosophical category as mind, which expresses the highest type of thinking activity, and to develop legal norms and standards in this field. The area of law that deals with the impact of neuroscience discoveries on the regulation of social relations is referred to as neurolaw. This branch of law is considered to be interdisciplinary establishing close connections with a spectrum of sciences such as neuropsychology, neurogenetics, neurobiology, neurosociology and many other neurosciences and links a brain with law. As a result this area of law often employs categories and concepts of those sciences. This is a reason for legal terminology in this field of law to be constantly broadened. New legal terms are of great interest to translators who create and analyze conceptual fields in the area of “neuro-law”. For translators it is a real challenge to deal with specialized legal texts when they can apply not only their translation skills, techniques and methods but also their knowledge in a particular field of neuro-technology application in the real sector of economy. The author of the article makes an attempt to reveal the peculiarities and features of translation of the texts which deal with human body enhancement technologies and legal issues related to their application. New legal terms and concepts are of great interest to understand a developing area of law.*

Keywords: *neurolaw, neuro-technologies, translation, terms, terminology, lexico-grammatical transformations, legal text, legal concepts.*

Сегодня мы наблюдаем активное расширение использования нейротехнологий в различных сферах нашей жизни, поскольку они, во-первых, позволяют улучшить функционирование мозга человека, являющегося, по сути, биологической нейронной сетью, а во-вторых, позволяют создавать искусственные математические модели, т.е. другие нейронные сети, построенные по принципу человеческого мозга, которые способны в разы повысить качество жизни всех людей. Нейротехнологии применяются в сфере труда (нейроассистенты, сенсорные датчики, фиксирующие местонахождение сотрудников и качество выполнения работ, биометрия и т.д.), в строительстве (онлайн-платформа MySmartFlat), в быту (нейрогаджеты для дистанционного управления бытовыми приборами, онлайн-общения), в юриспруденции (конструкторы договоров, основанные на технологиях нейросети), в финансах, в образовании и особенно — в медицине.

В связи с практическим распространением этих технологий, которые в недалеком будущем могут кардинально изменить современное общество, юристы по всему миру разрабатывают правовое регулирование этой сферы, создавая законодательство о применении технологий искусственного интеллекта. Относительно недавние активные дискуссии в кулуарах по безопасности самого ценного элемента человеческой психики — разума — юристы уже перенесли в правовое поле. Первой страной, которая в 2021 г. законодательно закрепила в конституции будущее, где пути нейротехнологий и человека пересекаются, определив концепт нейроправа, т.е. права человека на свой мозг и свои мысли, была Чили. Обоснованием этому послужило достаточное количество научных доказательств о том, что если нейротехнология сможет считывать мысли даже до того, как человек осознает, о чем думает, то эмоции, мысли, жизненные воспоминания, которые не принадлежат нам, могут записываться в человеческом мозге, и мозг не будет знать, как отличить, были ли они продуктом его собственного замысла или чье-то, возможно злого, умысла.

Это обуславливает важность законодательного принятия законов для защиты от нейрореальности, которая может угрожать сущности человека, его автономии и свободе воли.

Сегодня в эпоху возможности прямого доступа к человеческому разуму международное внимание обращено к определению правовых последствий применения нейротехнологий, установлению правовых норм и стандартов в этой области. Правовые режимы различных стран уже встраивают в свои системы нормативно-правового регулирования положения, учитывающие достижения нейротехнологий. Законодатели разрабатывают тексты конституций с включением новой группы прав (нейроправ), защищающих человеческую психику, разум и индивидуальную идентичность от вмешательства и манипулирования третьими лицами с помощью нейротехнологий; нормы уголовного права, регулирующие применение нейровизуализации мозга и нейроинтерфейсов, а также иных нейроустройств для контроля за лицами, совершившими преступление; нормы гражданского права, предписывающие распределение гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный лицом с имплантированным искусственным интеллектом.

Административное законодательство, очевидно, потребует наличия баз данных по учету нейропротезов и подтверждения правомерности использования нейрофармы. Трудовое законодательство также должно будет учитывать потенциальные социальные последствия от использования нейротехнологий в процессе труда, иначе у работодателей появится, например, возможность обязать работников носить нейрогаджеты, позволяющие ежеминутно контролировать выполнение ими трудовых обязанностей, фактически лишая права на психическую неприкосновенность частной жизни, и т.д.

Таким образом, и юристы-теоретики, и юристы-практики задумываются над целой серией актуальных вопросов, касающихся вмешательства в мозг человека, тщательно изучают новейшие технологические достижения для своевременного предотвращения правовых проблем.

Область права, которая возникла на стыке многих областей науки, таких как медицина, биология, нанотехнологии, кибернетика, механика, химия и др.,

и исследует влияние открытий в областях с приставкой «нейро» на правовые нормы и стандарты, получила название нейроправо.

Концептуальная область нейроправа представляет собой относительно новый развивающийся и потому постоянно пополняющийся пласт юридической терминологии, часто сложной для перевода, так как эта область является междисциплинарной и работает на стыке права с таким спектром отраслей науки, как нейропсихология, нейроинформатика, нейрогенетика, нейробиология, нейросоциология и т.д., часто используя их категориальный инструментарий.

Для обмена актуальной информацией о новшествах в развивающейся отрасли права и создания условий для эффективных научных контактов, а также формирования целостного восприятия науки в социальном контексте и популяризации результатов научной и практической деятельности в обществе в современных условиях юристы используют английский язык как отстраненный научный субъект, который позволяет создать научные термины, содержащие в себе значительное количество теории и позволяющие ясно выразить сложную мысль, автоматически вызывая у всех участников взаимодействия определенные ассоциации с глубинными смыслами. Поэтому перевод текстов в области нейротехнологий становится все более востребованным на рынке услуг. Новая область права вызывает большой интерес и у переводчиков, которые вновь и вновь обращаются к проблемам перевода терминов, несущих основную смысловую нагрузку.

В данной статье нам хотелось бы проанализировать особенности перевода текста в области нейроправа на примере устной лекции американского профессора по теме «Технологии совершенствования человеческого тела и правовые вопросы, связанные с их применением», а также трудности при трансформации такого текста в письменный.

Основной задачей было представить адекватный перевод специализированного устного текста на русском языке в письменном виде, т.е. перевод, который обеспечивал бы необходимую полноту межъязыковой коммуникации в конкретных коммуникативных условиях. Осуществлялся перевод устного текста доклада на круглом столе для юристов, занимающихся проблемами регулирования нейротехнологий в правоприменении. Результатом переводческой деятельности должен был стать письменный текст, предназначенный как для нейроюристов, так и для широкой аудитории, интересующейся технологиями совершенствования и искусственным интеллектом в целом.

Ни для кого не секрет, что устный перевод является сложным видом перевода. В случае перевода рассматриваемого текста, помимо передачи информации средствами другого языка, необходимо было произвести трансформацию этого текста в письменный, что также связано с определенными особенностями. Казалось бы, с одной стороны, при трансформации устного текста в письменный у переводчика есть время и возможность подумать над вариантами, посмотреть недостающую информацию и подобрать нужную грамматическую конструкцию и лексические средства, но, с другой стороны, ему предстоит долгая и непростая работа по сглаживанию неполных формулировок, недоговоренностей, каких-либо огрехов, удалению повторов, слов-паразитов, распространенных в устном варианте, чтобы письменный текст приобрел четко выстроенную композицию, а вербальное выражение приблизилось к кодифицированному литературному

языку. Как писал французский переводчик Этьен Доле в труде «О способе хорошо переводить с одного языка на другой», переводчик должен соблюдать пять основных принципов перевода, среди которых важное место занимают глубокое понимание содержания переводимого текста и намерения автора и безупречное владение языком, с которого и на который осуществляется перевод.

В первую очередь следует отметить, что адекватность перевода узкоспециализированных текстов напрямую зависит, помимо подготовленности в области теории перевода и владения практическими переводческими навыками, от полной погруженности в тему. Для перевода анализируемого текста потребовались знания в области нейротехнологий, права интеллектуальной собственности, медицины и обширные общие фоновые знания, которые хранятся в памяти каждого члена определенного социума и ежедневно пополняются, но актуализация которых зависит от потребностей и нужды в них.

Безусловно, основные трудности перевода составлял лексический уровень. В целом вопросы ‘enhancement technology’ разрабатываются в трех направлениях: медицинском (восстановление здоровья, коррекция болезненных состояний, нарушенных функций и структур), военном (создание солдат-киборгов) и личностно-эмоциональном (академический допинг, внешний апгрейд). В данном переводческом материале большой пласт лексики занимала медицинская терминология и терминология из смежных отраслей с приставкой «нейро», заставляя задуматься о более корректном эквиваленте или переводе в русском языке.

Примеры:

- *human enhancement technology* — технология улучшения человеческого тела;
- *cyborg* — киборг;
- *closed loop technology* — технология замкнутого круга;
- *computational capabilities* — вычислительные возможности;
- *cardioverter* — электрический дефибриллятор сердца;
- *pacemaker* — электронный стимулятор сердца;
- *electrodes inverted into vein leading to the heart* — электроды, вживленные в вену, ведущую к сердцу;
- *electrodes in cerebrum* — электроды в головном мозге;
- *decrease tremors from Parkinson’s disease* — уменьшать тремор при болезни Паркинсона;
- *speech cortex* — отдел головного мозга, отвечающий за речевую деятельность;
- *artificial hippocampus* — искусственный гиппокамп;
- *implants* — протезы, имплантант;
- *digital tattoo* — электронные татуировки;
- *technology of optogenetics* — оптогенетические технологии;
- *brain to machine interface* — интерфейс мозг-машина;
- *deep brain stimulation* — глубокая стимуляция мозга;
- *bionic eye* — визуальный протез, бионический глаз;
- *heart pacemaker* — кардиостимулятор;
- *artificial arm* — протез руки;
- *cochlear implant* — слуховой нейропротез.

Одной из острых трудностей перевода юридического дискурса является передача терминов из одной правовой системы в другую. Юридическая терминология,

в основном касающаяся права интеллектуальной собственности, и в частности патентного права, была задействована в тексте во время обсуждения регулирования нейротехнологий в американской юрисдикции, в которой имеются свои национальные особенности системы патентования.

Примеры:

- *devices are patentable intellectual property* — технические решения как объект интеллектуальной собственности являются патентоспособными;
- *specifications of implanted device into the cortex* — спецификация имплантируемого устройства в головной мозг

Без правовых концептов нельзя говорить о содержании правовой идеологии. Различные правовые идеи обязательно концептуализируются и находят юридическое выражение. При переводе правовых концептов актуальными остаются вопросы адекватности и эквивалентности.

Примеры:

- *right to mental privacy* — право на приватность внутреннего мира;
- *right to mental health* — право на психическое здоровье;
- *right to integrity* — право на неприкосновенность;
- *right to psychological continuity* — право на психическую преемственность, целостность (в мозгу есть непрерывная когнитивная структура, на которую потенциально возможно повлиять с помощью доступа к встроенным устройствам);
- *right to cognitive liberty* — право на когнитивную свободу.

В каждом языке существует собственная система сокращений, которая является неотъемлемой частью лексико-семантической системы. В анализируемом тексте было использовано большое количество сокращений и аббревиатур, связанных с названиями американских государственных учреждений, правил, директив и регламентов, что потребовало от переводчика учета многих факторов, таких как политико-правовой и культурный контекст, традиции перевода, структура сокращения, характер текста, целевая аудитория для осуществления адекватного перевода.

Примеры:

- *UCSF — The University of California, San Francisco* (Калифорнийский университет Сан-Франциско);
- *FDA — U.S. Food and Drug Administration* — Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов;
- *FTC — Federal Trade Commission* — Федеральная Торговая Комиссия;
- *GDPR — General Data Protection Regulation* — Общий регламент по защите данных.

Сложность передачи имен собственных с одного языка на другой очевидна. Но стоит отметить, что, кроме знания способов их перевода, переводчику необходимо было актуализировать фоновые знания об ученых, которые занимаются разработками в области нейротехнологий, участниках различного рода нейро-экспериментов, ИИ-системах и программах.

Примеры:

- *Dr. Edward Chang* — американский нейрохирург и ученый, специализирующийся на разработке передовых клинических методов картирования человеческого

- мозга и новой трансляционной технологии нейропротезирования для парализованных пациентов;
- AI DABUS (Device for the Autonomous Bootstrapping of Unified Sentience) — запатентованная система искусственного интеллекта, созданная Стивеном Талером;
 - *University of Surrey* — государственный исследовательский Университет Суррея в Гилфорде, графство Суррей, который добился высочайшего международного признания за научные исследования в фундаментальных и прикладных науках;
 - *Dick Cheney* — Ричард Брюс Чейни, американский политик, который работал в администрациях четырех президентов США и являлся одним из самых влиятельных вице-президентов, дважды исполнявшим обязанности президента США;
 - *Kevin Warwick* — Кевин Уорвик, английский инженер, известный своими исследованиями прямых интерфейсов между компьютерными системами и нервной системой человека, а также исследованиями в области робототехники, первый человек-киборг.

Детальное понимание текста осложнялось появлением вертикального контекста, когда спикер упоминал решенные правовые кейсы. И если юристы, занимающиеся нейроправом, без труда вспоминают, в чем суть обозначенных кейсов, и у них возникает всестороннее видение ситуации и требуемые ассоциации, то для адекватного перевода переводчику необходимо хотя бы поверхностно быть знакомым с этими вопросами, чтобы используемые формулировки не привели к утрате смысла правовых последствий.

Устный доклад и лекция, конечно, не являются полностью спонтанной речью, тем не менее обладают многими ее признаками. Поэтому при трансформации устной формы текста в письменную переводчику потребовалось подвергнуть обработке все, что находилось под влиянием фактора устности, а именно: незаконченные синтаксические построения, самоперебивы, повторы одной и той же мысли или слов, изменение структурно-логического рисунка фразы, неполные предложения (экономящие силы и время говорящего и слушающего), попутные добавочные мысли, прерывистость (логическая, грамматическая и интонационная), заключающаяся в неоправданной остановке речи, в обрыве фраз, мыслей, устранении огрехов.

Таким образом, опыт перевода текста в области новейшей отрасли права — нейроправа — еще раз доказывает, что юридический перевод является одной из самых сложных задач для переводчика. Помимо высокого уровня владения исходным и переводящим языком, переводческими навыками и умениями, наличия прочной базы теории перевода, требуется глубокое понимание специфической терминологии и знания в области права, к которой относится переводимый текст.

Несмотря на то, что в целом в юридическом языке сохраняются стандартные формулировки и устоявшиеся фразы и термины, перевод которых возможен благодаря словарю, все же создание адекватного перевода возможно только при наличии правовых знаний в конкретной области права. Отсутствие таких знаний может повлечь искажение смысла и, как следствие, потерю доверия со стороны профессионального сообщества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Горбань В. С.* Нейронауки и право: сложная взаимосвязь // А. Б. Дидикин, М. А. Беляев, В. С. Горбань. Право и нейронауки. — Екатеринбург : Издательские решения, 2019.
2. *Самосудова Л. В., Автайкина К. С.* Специфика перевода юридических текстов // Роль инноваций в трансформации и устойчивом развитии общества : мат-лы Международной научно-практической конференции /отв. ред. Р. Р. Хайров. — Саранск, 2023. — С. 378—382.
3. *Филипова И. А.* Нейротехнологии в праве и правоприменении: прошлое, настоящее и будущее // Правоприменение. — 2022. — Т. 6. — № 2. — С. 32—49. — DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(2).32-49.
4. *Dolet E.* La manière de bien traduire d'une langue en autre. — P., 1540.
5. *Mora M. N.* How Law and Neuroscience became a new field of study // Bioethics Update. — 2019. — Vol. 5. Is. 2. — P. 75—88. — DOI: 10.1016/j.bioet.2018.10.001.
6. *Petoft A.* Neurolaw: A brief introduction // Iranian Journal of Neurology. — 2015. — Vol. 14. — Is. 1. — P. 53—58.